

ДЖ. СТЮАРТУ МИЛЛЮ

Публикация Н. Захарьина

Публикуемое по черновому автографу письмо Огарева обращено к английскому буржуазно-либеральному экономисту и философу-идеалисту Джону Стюарту *Миллю* (1806—1873).

В письме, не имеющем авторской даты, речь идет о брошюре Огарева «*Essai sur la situation russe. Lettres à un Anglais*». Она вышла в Лондоне 8 мая 1862 г. у Трюбнера (см. «Объявления о книгах», № 13 за 1862 г., приложение к «Колоколу», л. 132; см. также выше в наст. томе). Герцен весьма высоко оценил эту брошюру Огарева: он разослал ее многим деятелям, русским и иностранным. 9 мая 1862 г., посылая несколько экземпляров брошюры И. С. Тургеневу, Герцен писал: «Не можешь ли ты меня одолжить, отославши прилагаемую книжку Огар(ева) (чрезвычайно замечательную Henri Martin...)» (XV, 128). 21 мая, вновь обращаясь к Тургеневу, Герцен писал: «Прошу усердно излишний экземпляр книги Огар(ева) послать Делаве» (т. е. Н. Делаво.— *Н. З.*) (XV, 137). Несколько днями позже Мишле сообщил Герцену: «Только что получили из Лондона работу г. Огарева, имеющую важное значение <...> Я очень хотел бы его поблагодарить» (XV, 140—141). Герцен 27 мая отвечал Мишле: «Брошюра Огарева <...> является, по моему мнению, наиболее важным из того, что написано о современном положении России» (XV, 140). Рассылалась брошюра и самим Огаревым. Сообщая Герцену весной 1862 г. о своей переписке с Луи Бланом (она остается неизвестной), Огарев добавлял: «Сегодня я написал предлинное письмо Луи Блану об эмансипации, потому что он мне прислал мою статью с похвалой» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 397—398).

Приведенные выдержки из писем Герцена и Огарева свидетельствуют, что в течение мая 1862 г. брошюра «*Essai sur la situation russe*» была послана многим лицам. Миллю, однако, она была отправлена позже, не ранее начала августа: в публикуемом письме содержится сообщение о событии, происшедшем 7/19 июля 1862 г. в Петербурге, — об аресте Чернышевского. Точных данных о том, когда именно это известие дошло до Герцена и Огарева, в литературе нет. Л. И. Мечников, живший в Италии и находившийся в ту пору в переписке с Чернышевским и редакцией «Современника», ничего не знал о происшедшем до начала августа. 2/14 августа он написал Чернышевскому короткое письмо, в котором упоминал о петербургских арестах и намекал на то, что опасается, не находится ли среди арестованных Чернышевский (см. «Процесс Н. Г. Чернышевского». Саратов, 1939, стр. 67). Следует, однако, думать, что редакция «Колокола», связанная нелегальным путем с петербургскими революционерами, одной из первых была извещена о случившемся. Отметим также, что 6 августа датировано письмо К. Д. Кавелина из Парижа, адресованное к Герцену, в котором упомянуто и о петербургских арестах вообще и об аресте Чернышевского, в частности (см. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к Герцену и Огареву». Женева, 1892, стр. 81—82). В публикуемом письме Огарев говорит об аресте Чернышевского как о событии, известие о котором еще не получило широкого распространения; поэтому мы вправе предположить, что он узнал об аресте лишь незадолго перед тем — приблизительно, в конце июля или в начале августа ст. ст. 1862 г. К этому периоду и следует отнести публикуемое письмо.

* * *

Дж. Стюарт Милль принадлежал к числу тех идеологов буржуазного общества, которые пытались в целях «улучшения» капиталистического строя использовать некоторые идеи современного им утопического социализма. Эклектизм и противоречия политико-экономической теории Милля, мнимость его «сочувствия» социализму «в отдаленном будущем» с огромной пронизательностью вскрыл Чернышевский. Над советом совершенствоваться в ожидании этого будущего буржуазный строй Чернышевский иронизировал, указывая, что «улучшения» частной собственности не оставят

от нее и следа, останется только «урезанный кусочек, беречь который не стоит хлопот» (Н. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. III, ч. 2, М., 1949, стр. 100). В другой связи Чернышевский прямо говорит, вскрывая буржуазный характер теории Милля: «Вот и видно, что коммерческого класса теория» (Н. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1949, стр. 1003).

Книга Чернышевского «Очерки политической экономии по Миллю» (1861) заслужила высокую оценку Маркса. «Континентальная революция 1848—1849 гг., — писал Маркс, — отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капиталистов с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, лучшим представителем которого является Джон Стюарт Милль. Это — банкротство „буржуазной“ политической экономии, как мастерски выяснил уже в своих „Очерках политической экономии по Миллю“ великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» (К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1951, стр. 13).

Отношение Герцена и Огарева к Миллю было далеко не столь последовательно критическим, как отношение Чернышевского. Герцен, являясь сильным критиком буржуазных общественных порядков, сумел блестяще использовать нападки Милля на застойный характер английского общества в своей статье о книге Милля «On liberty» («Колокол», л. 40-41, 15 апреля 1859 г.), вошедшей впоследствии в состав «Былого и дум» (см. ч. VI, прибавление). Летом 1862 г., во втором письме цикла «Концы и начала», он вновь возвратился к тем едким определениям, какие давал Милль английской действительности. Милль определял ее как власть нравственной ничтожности и «collective mediocrity» (коллективной посредственности) буржуазии и мещанства (XIV, 223, ср. XV, 257). Со своей стороны, Огарев видел в Милле ученого, принимающего участие в критике некоторых сторон политической и экономической системы капитализма. Характеризуя в своих статьях бедственное положение крестьянства, фермеров-арендаторов и батраков в Англии и Америке, Огарев, обращаясь к работам английского экономиста, резко выступал, как и Герцен, против капитализма. «Огарев пригвоздил к позорному столбу буржуазию, захватившую политическую власть и богатства в свои жадные и цепкие руки, поддерживающую трудящихся мучительной эксплуатацией» («Большевик», 1952, № 12, стр. 71). «Он <Огарев> разглядел, что за словесной мишурой конституций буржуазных стран скрывается своекорыстная, узко эгоистическая классовая подоплека» (там же). Однако вскрыть со всей отчетливостью оборотную сторону критики Милля — стремление укрепить буржуазный строй — ни Герцен, ни Огарев не сумели, хотя оба они, например, решительно возражали против идеализации Миллем мелкой индивидуальной земельной собственности, высказывались против его мальтузианских тенденций. Посылая свою брошюру Миллю, Огарев отдавал себе отчет в том, что противопоставление «русского социализма» западноевропейской капиталистической действительности не встретит в Милле сочувствия.

Брошюра Огарева, имеющая подзаголовок «Письма к англичанину», начиналась прямыми полемическими замечаниями по адресу противников социализма. «Милостивый государь, — писал Огарев, обращаясь к неизвестному, — вы затронули два близких мне вопроса: Россию и социализм. Вам любопытно бы узнать Россию, а социализма вы не любите; поэтому, я думаю, что дружеская полемика между нами может стать интересной и полезной для нас обоих...» (цитируем в нашем переводе). Далее следовало развитие известных идей Герцена и Огарева о том, что понятия «Россия» и «социализм» нераздельны, чему и посвящена вся брошюра.

Непосредственным толчком, побудившим Огарева послать свою брошюру Миллю, явилась новая книга Милля «Considerations on representative government» («Замечания о представительном образе правления»), вышедшая в 1861 г. В книге Огарев нашел критику парламентских систем европейских стран, приложимую, как ему представлялось, также к «конституционным» поползновениям либерального дворянства в России. Весной 1862 г. тайное общество «Земля и Воля» противопоставило различным конституционным проектам лозунг «самосозыва» бессловного

Земского собора. Огарев в июне — октябре 1862 г. готовил, в соответствии с планами «Земли и Воли», проекты крестьянских адресов, основным требованием которых был созыв Земского собора. Как разъяснил видный участник «Земли и Воли», анонимно выступивший в 1868 г. в журнале «Народное дело» (Женева) со статьей «Пропаганда и организация», лозунг созыва Земского собора был принят обществом «Земля и Воля» с целью воспрепятствовать буржуазно-дворянским конституционным проектам. «Оно (Общество «Земля и Воля». — Н. З.) столько же стремилось к самозованному Народному собранию, сколько хотело помешать возможной случайности созыва правительством официального Земского собора, то есть дарования какой-нибудь непристойной конституции», — пишет хорошо осведомленный и осторожный автор («Народное дело», 1868, октябрь, №№ 2 и 3, стр. 33—34).

Статья Огарева «Конституция и Земский собор», напечатанная в «Колоколе» лишь во второй половине 1863 г. (1 июня — 1 декабря), но задуманная и начатая осенью 1862 г., начинается словами: «Конституция может быть дана, но Земский собор должен быть взят», — в точном соответствии с планом «Земли и Воли», изложенным анонимным автором и приведенным нами выше. Вся статья Огарева посвящена критике различных форм «представительства» в европейских странах и противопоставляет этим формам «бессловный Земский собор», приводя разносторонние основания необходимости его созыва. Эпиграфом к своей статье Огарев избрал выдержку из «частного письма» Дж. Стюарта Милля, являющегося ответом на публикуемое нами письмо. Полный текст ответа Милля до нас не дошел, приводим выдержку в переводе Огарева (письмо было написано по-французски): «Мне кажется, что нельзя не согласиться с основной мыслью вашей книги, т. е. с тем, что чиновничество составляет действительную язву России и что всякое преобразование останется безуспешным, если не освободит из-под его несносного ига людей и вещи и не отдаст равно общие и частные интересы на решение самих заинтересованных. По моему убеждению, это гораздо важнее самого благоустроенного представительства, хотя в России, кажется, что и то и другое (представительство и самоуправление) должны идти рука об руку и друг для друга необходимы» («Колокол», л. 164, от 1 июня 1863 г., стр. 1351). Приведенная выдержка показывает, что Милль сочувственно отозвался о брошюре Огарева, хотя и не дает представления о содержании всего ответа.

Огарев пишет Миллю, что, работая над французской брошюрой, он имел в виду русских читателей, добрая часть которых еще ищет истины в иностранной прессе. О том же говорит Огарев и в других письмах и в печати. Так, в письме к Е. В. Салиас читаем: «...мне было грустно, что вы мою книжку сочли годной для иностранцев. Подумайте хорошенько и увидите, что она годна только для русских, а иностранцы в ней ничего не поймут...» (см. выше в наст. томе). В статье, напечатанной в «Общем вече», Огарев говорит: «Выписываю вам простой расчет из моей книжки, писанной на французском языке (будто бы для того, чтобы познакомить Европу с Россией, а в сущности для того, что большая часть образованных русских верит только в иностранные книжки)» («Общее вече», № 23, от 15 ноября 1863 г., стр. 108).

На русском языке брошюру Огарева предполагалось издать в 1863 г. Перевод был подготовлен Н. И. Жуковским, но по каким-то причинам, остающимся неизвестными, выпущен в свет не был (см. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII. М., 1951, стр. 164).

Не состоялось также издание брошюры на английском языке. Тем не менее, в 1868 г. Огарев осуществил свое намерение, высказанное в письме к Миллю, сделать к брошюре дополнения. Переработав брошюру и дополнив ее сведениями о ходе развития событий в России в 1862—1867 гг., он вновь напечатал ее по-французски, под названием «La Russie actuelle et son développement», на этот раз не в отдельном издании, а во французском «Колоколе» («Kolokol», 1868, №№ 1, 2, 4, 6, 8 и 10), без заключительной части. На русском языке известна только одна глава из брошюры 1862 г.: она напечатана в «Колоколе», лл. 128 и 129, от 8 и 15 апреля 1862 г.— «Финансовая реформа в России».

Варианты публикуемого чернового автографа приводятся лишь в тех случаях, когда они дают что-либо существенное для дополнения текста.

LETTRE À SIR J. STUART MILL

<Вторая половина июля — август 1862 г.>

Monsieur,

Il y a bien longtemps que je voulais vous envoyer mon «Essai sur la situation russe». Je dois l'avouer—une sorte de timidité m'a retenu de le faire jusqu'à présent.

Je pensais: et si la question n'avait pas assez d'intérêt pour vous, si vous vous souciez de la réforme en Russie tout aussi peu que de mon petit livre.

Je l'ai écrit en français, mais j'avais en vue mon public russe, dont encore une bonne partie cherche la vérité dans la presse étrangère et si je désirais et désire d'être lu par quelqu'un parmi les européens, c'est certainement par vous, monsieur, parce que j'estime en vous le penseur lucide.

Je viens de lire vos «Considerations on representative government» et voilà que mon idée de vous envoyer mon livre me reprend d'une manière irrésistible. Il est impossible qu'un fait aussi grave qu'une réorganisation prochaine et inévitable d'un immense pays sur les bases d'un droit *coutumier* de chacun à la terre et d'un selfgovernment électif, qui vient au jour dès que [l'empire] l'envahissement bureaucratique commence à crouler par sa propre inconsistency, — il est impossible dis-je, qu'un pareil fait passe inaperçu devant vos yeux. Je prends donc la liberté de vous envoyer mon livre, non par amour propre d'auteur, mais par l'intime conviction qu'un homme comme vous ne doit pas, *ne peut pas* laisser passer avec indifférence *des faits* d'une importance sociale telle, qu'ils entrent nécessairement comme des éléments dans l'histoire des générations futures.

Je me crois parfaitement d'accord avec vos principes¹, et si dans mon livre quelques déductions de détail vous paraissent contestables et douteuses, — c'est qu'en vérité personne ne peut échapper au point de vue que l'individu prend dans la tradition nationale, dans l'habitude à un certain ordre de choses, et si ces différences de points de vue n'amènent pas à des vérités absolues, au moins elles empêchent de tomber dans l'applicabilité oiseuse des théories préconçues et l'indétermination des principes abstraits. La sympathie, que j'ai pour votre manière de penser me fait espérer que mon livre réussira à tourner votre attention sur le développement de mon pays. Pourtant je me hâte d'ajouter que la marche des choses chez nous est plus rapide qu'on ne le pense généralement, et si je venais à faire une édition anglaise — sans rien changer quant au fond de mon livre; je devrais y ajouter un appendice considérable. De nouvelles réformes sont venues depuis, ou plutôt *vont venir* (car elles sont à l'état de projets officiels); elles vont accélérer et ralentir en même temps les tendances de pays vers un selfgovernment général: ce sont la réforme judiciaire et la réforme de l'administration des recettes et des dépenses départementales. La contradiction que j'énonce en disant accélérer et ralentir ne revient à zéro, mais bien à un mouvement d'oscillation.

Comme point de départ d'une réorganisation totale ces réformes sont tout à fait radicales. Comme lois ce sont des imitations du code français, parfois de la juridiction anglaise même, mais où l'impérialisme conserve sa part de lion: ces réformes contentent bon nombre d'indolents et ralentissent le mouvement; mais en même temps elles éveillent les questions et rendent la solution du problème de plus en plus inévitable. Le congrès national représentatif à suffrage universel (à deux degrés — car autrement je ne puis me le représenter) me paraît être l'idée qui fermente dans tout le pays.

Si la lecture vous suggérait quelques questions, le désir d'avoir des explications et des détails — vous me feriez un immense plaisir en me les demandant.

Agréez, monsieur, etc.

P. S. [Pardon pour l'édition; la faute en est à l'éditeur. J'ai tâché de corriger à la plume les erreurs d'impression les plus insupportables]

Mon adresse est L<ondon> O<rsett> h<ouse> W<estbourne> t<errace>. C'est là que je demeure d'ordinaire avec mon ami m-r Herzen, dont je partage les travaux.

Vos principes d'é<conomie> p<olitique> ont été traduits et commentés dans la revue russe le «Contemporain» par m-r Tch<ernychevsky>. Le «Contemporain» a été défendu par le g<ouvernem>ent, et votre commentateur se trouve pour le m<om>ent d<ans> le cachot de la f<ortere>sse de P<étersbour>g. Réforme d'un côté, persécution de l'autre — notre g<ouvernem>ent développe une théorie d'oscillation éminemment révolutionnaire².

Автограф. ЦГЛА, ф. Огарева (№ 359), ед. хр. 78. Автограф на пяти разрозненных листках. Нумерация 26—29 проставлена рукой автора. Часть текста от слов «De nouvelles réformes...» до «...mouvement d'oscillation» обнаружена нами в одной из записных книжек Огарева, хранящихся в ЛБ (Г.— О., VI. 27, зап. книжка № 9).

Перевод*:

ПИСЬМО К СЭРУ ДЖ. СТЮАРТУ МИЛЛЮ

<Вторая половина июля — август 1862 г.>

Милостивый государь,

Мне уже давно хотелось послать вам мой «Опыт о современном положении России». Должен признаться, до сих пор меня удерживала какая-то робость.

Я думал: а что, если вопрос не представляет для вас достаточного интереса, а что, если реформа в России занимает вас столь же мало, сколь и моя книжечка.

Я написал ее по-французски, но имел в виду свою русскую публику, добрая часть которой еще ищет истину в иностранной прессе. Если же я хотел и хочу, чтобы меня прочитал кто-либо из европейцев, то уж, конечно, прежде всего вы, милостивый государь, потому что я уважаю в вас проницательного мыслителя.

Я только что прочел ваши «Considerations on representative government»**, и вот мной вновь, уже с непреодолимой силой, овладело желание послать вам свою книгу. Невозможно, чтобы факт такой важности, как предстоящая в ближайшее время неминуемая реорганизация огромной страны на основах *обычного* права каждого на землю и выборного selfgovernment***, которое возникнет, как только****, в силу собственной своей несостоятельности, захватническая бюрократическая власть начнет рушиться, — невозможно, повторяю, чтобы подобный факт прошел незамеченным вами. Итак, я позволяю себе послать вам свою книгу не из авторского самолюбия, а по глубокому убеждению, что такой человек, как вы, не должен, *не может* равнодушно пройти мимо *фактов*, социальное значение которых столь велико, что они неизбежно войдут существенными элементами в историю будущих поколений.

Я полагаю, что совершенно согласен с вашими принципами¹, и если в моей книге некоторые частные выводы показались бы вам спорными и сомнительными, то это потому, что поистине никому не дано отрешиться от взглядов, которые личность черпает в своей национальной традиции и в привычках к определенному порядку вещей. И если

* Перевод этого письма выполнен автором публикации.

** «Замечания о представительном образе правления» (англ.).

*** самоуправления (англ.).

**** Далее зачеркнуто: империя

Lettre à Sir J. Stuart Mill.

Monsieur,

Il y a bien long-temps que je
voulais vous envoyer mon "Essai sur
la situation russe". Je dois l'avouer
— une ~~esp~~ sorte de timidité jusqu'~~à~~
m'a retenu de le faire jusqu'à présent.
Je pensais: Et si la question n'avait
pas assez d'intérêt pour vous, ~~si~~
~~que vous vous souciez de~~
~~la réforme en Russie,~~
~~ainsi que ma brochure ne pouvait~~
~~être d'aucun intérêt~~ tout aussi peu que
~~de votre part~~ ~~différence~~
~~de votre part~~ ~~différence~~
~~de votre part~~ ~~différence~~
Je l'ai écrit ~~en~~ français, j'avais publié
en vue mon public russe, dont
encore une bonne partie ne cherche
la vérité dans la presse française
Mais si je disais et désire
que mon livre soit lu par quelqu'un

АВТОГРАФ ПИСЬМА ОГАРЕВА К ДЖОНУ СТУАРТУ МИЛЛЮ
ОТ ИЮЛЯ — АВГУСТА 1862 г.

Лист 1

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

эти различия во взглядах и не приводят к истинам абсолютным, они, по крайней мере, предохраняют от праздных попыток приложения предвзятых теорий и от неопределенности абстрактных принципов. Симпатия, которую я питаю к вашему образу мыслей, внушает мне надежду, что моей книге удастся привлечь ваше внимание к развитию моей страны. Однако спешу добавить, что события разворачиваются у нас быстрее, нежели это вообще полагают, и если б мне пришлось готовить английское издание, я был бы вынужден, не изменяя ничего по существу, снабдить книгу обширным добавлением. С тех пор появились новые реформы или, вернее, *должны появиться* (ибо они находятся в стадии официальных проектов). Они ускорят и в то же время замедлят устремления страны к всеобщему selfgovernment'у. Это — судебная реформа и реформа управления сбором и расходованием местных средств. Протiwоречие, которое я отмечаю, говоря о замедлении и ускорении, приводит не к нулю, а к колебательному движению.

Как отправная точка для общей реорганизации, реформы эти вполне радикальны. Как законы, они представляют собой подражание французскому кодексу, а в отдельных случаях и английскому законодательству, сохраняя, однако, за императорской властью ее львиную долю. Такие реформы удовлетворяют многих равнодушных людей и замедляют движение. Но в то же время они будят вопросы и делают разрешение проблемы все более и более неизбежным. Народное представительное собрание, избранное на основе всеобщего (двухстепенного, иначе я себе его не мыслю) избирательного права, — вот идея, которая, мне кажется, волнует сейчас всю страну.

Если при чтении книги у вас возникнут какие-нибудь вопросы, явится желание получить объяснение и узнать подробности, вы доставите мне огромное удовольствие, обратившись ко мне.

Примите, милостивый государь, и пр.*

Мой адрес: Л<ондон> О<рсет> Х<ауз> В<естборнская> т<ерраса>. Тут я живу постоянно, вместе с другом моим, г-ном Герценом, труды которого делю.

Ваши «Основания политической экономии» были переведены и комментированы в русском журнале «Современник» г-ном Ч<ернышевским>. «Современник» был запрещен правительством, а ваш комментатор находится сейчас в каземате п<етербург>ской крепости. С одной стороны — реформы, с другой — преследования; наше правительство развивает теорию колебаний, в высокой степени революционную².

¹ Речь здесь идет о выражении сочувствия к критике буржуазного парламентаризма в книге Милля «Замечания о представительном образе правления», а не о солидарности с его экономическими или философскими взглядами. Как и Герцен, Огарев преувеличивал глубину и прогрессивность критики Миллем политической системы буржуазного государства. На деле Милль критиковал парламентаризм с позиций буржуазного индивидуализма.

² В последней, несколько неясно сформулированной фразе о «теории колебаний», которую «развивает» царское правительство, Огарев пытался кратко изложить мысль, постоянно встречающуюся в его письмах и публицистических выступлениях 1861—1869 гг. Мысль эта следующая: колебания и шатания политического курса царского правительства (в период «революционной ситуации» конца 1850-х—начала 1860-х гг.), уродливость половничатых реформ только нагляднее показывают несостоятельность самодержавия, что объективно содействует делу разрушения существующего порядка, революционизируют страну.

Герцен и Огарев оценивали крестьянскую реформу 1861 года как систематическое ограбление крестьян. С момента обнародования «Положений» Огарев не устал повторять: «Народ царем обманут, крепостное право не отменено». Огарев считал, что дело «недоконченных» реформ народ должен взять в собственные руки и завершить его революционным путем. Огарев сформулировал эту свою мысль в письме к Бакунину от 31 октября 1862 г. («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 88—89).

В 1869 г. Огарев писал: «...неудача постепенных реформ вызывает революцию, как неизбежность» (см. наст. том, стр. 201).

Эта мысль является основной и в брошюре Огарева, и в публикуемом нами письме.

* Далее зачеркнуто начало постскриптума: Р. С. Извините недостатки издания; вина лежит на издателе; я постарался исправить от руки наиболее недопустимые опечатки.